

МУХАММЕТ МАГДЕЕВ

“ПУТНИК! ВОЗВЕСТИ НАШИМ
ГРАЖДАНАМ В СПАРТЕ...”

РАССКАЗ

В тот год экзаменов в школе почему-то стало больше. При окончании пятого класса дополнительно к русскому, татарскому и арифметике ввели экзамен по истории древнего мира. Это был интересный предмет, но трудный.

У Хамитуллы как раз был на носу экзамен по истории, и оставалось повторить последнюю тему — “Греко-персидские войны”. Он сидел на крыльце и читал самый интересный эпизод — о неравной схватке возле горного прохода Фермопилы, где погибли все греческие патриоты. На месте их гибели был установлен камень, на котором от имени тех, кто отдал жизнь за свободу своей родины, были выбиты слова:

*Путник! Возвести нашим гражданам в Спарте,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями погели.*

Хамитулла читал, и ему казалось, что сражение у Фермопил — это древний братишка или сестренка войны нынешней, утопившей в крови весь мир... В это время калитка распахнулась, и во двор с обеспокоенным видом вошла Сюмбеля. Она была самой красивой девушкой в деревне, а теперь, когда всех мужчин забрали на фронт, стала еще и бригадиром.

МАГДЕЕВ Мухаммет Сунгатович (1929—1995) — народный писатель Татарстана, лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая. Автор около десятка романов, повестей. Произведения М. Магдеева до сих пор одни из самых читаемых среди татар. На русский язык переводился мало. Предлагаемый рассказ переведен дочерью писателя Гаухар Хасановой (Магдеевой).

— Как дела? — Она присела на камень рядом с мальчиком. — Готовишься?

— Да, тетя Сюмбеля, завтра в восемь утра экзамен. Уже темнеет, а дома ни капли керосина. Я дочитать не успел...

Сюмбеля тяжело вздохнула. Видно было, что она хочет что-то сказать, но не решается. Помолчав немного, девушка вдруг уткнулась лицом в колени и заплакала. Хамитулла испугался.

— Хамитулла, — сказала она, — что мне делать? Что делать?..

— Пришла похоронка на дядю Зарифа? — с детской непосредственностью предположил Хамитулла.

Сюмбеля вытерла глаза кончиком косынки и бросила на мальчика умоляющий взгляд.

— Хамитулла, родной! Сегодня в ночное послать некого! У меня ни одного человека! Завтра начинаем сажать картошку... На сегодняшнюю ночь у меня никого нет! Ни-ко-го! Вчера выходили мы с сестренкой Гульзадой. Уже вторые сутки глаз не смыкаю...

Хамитулла для себя решил сразу: завтра экзамен, значит, он не может. На рассвете он обязательно должен дочитать. Мама обещала разбудить в четыре, у него в запасе будет три часа, и он обязательно успеет все повторить. Но Сюмбеля с такой мольбой посмотрела на него мокрыми глазами...

Погоди, что же изменилось? Почему Хамитулла не может произнести заготовленную заранее фразу? Ах, да! Она сказала: "Гульзада"... Гульзада учится в шестом, в их школе нет другой девочки с такими красивыми косами...

— Ну что, как быть? Завтра начинаем сажать картошку. Если лошади заночуют голодными, им будет очень тяжело...

Хамитулла уже знал, что делать. Книжку можно почитать и там, на залежном поле, где будет пастись табун! Ведь в три утра совсем рассветет!

— Я всегда готов, — сказал Хамитулла, вставая со ступеньки. — Всегда готов! — Ему вдруг захотелось отдать салют, но он испугался: а если тетя Сюмбеля рассмеется? А потом еще расскажет Гульзаде! Ему стало стыдно оттого, что он смешался и ответил не так, как следовало. Такие слова говорят только на пионерских сборах. Разве можно отдавать салют, стоя на травке возле собственного крыльца?

...Сорвав лист конского щавеля, росшего вплотную к крыльцу, Хамитулла заложил страницу и закрыл "Историю древнего мира"

...Ровное залежное поле, начинавшееся сразу за конюшней и уходившее прямо к лесу, было густо пропитано вечерними сумерками. Лошади с шумом выбрались из загонов и, кажется, даже не заметив присутствия Хамитуллы, двинулись к полю, толкая друг друга худыми боками. Они шли неровной рысцой, то и дело спотыкаясь, у двух-трех в брюхе от тряски раздавались хрумкающие звуки; земля, покрытая росой и источающая легкий пар, чуть дрожала от их топота.

Хамитулла ехал верхом на колхозной лошади по кличке Армия. Держась за ее густую гриву, мальчик ощущал себя очень маленьким и беспомощным. Лошадь была худой, крупнокостной и длинноногой, а еще она была довольно старой, а потому спокойно рысила в середине табуна, не стараясь вырваться вперед. Лишь когда за пеленой тумана сплошной стеной обозначился лес, лошади внезапно все разом повернули вправо, остановились, зафыркали, потоптались на месте и начали лениво щипать росистую траву.

Хамитулла с немалым трудом спустился со спины высоченной Армии. Лошади с фырканьем растворились в вечернем тумане, половина из них была каурой масти, и их Хамитулла вскоре перестал видеть вообще. Его спину приятно согрел хлеб, только что испеченный матерью из муки вперемешку с лебедой. А еще Хамитулла всю дорогу с удовольствием вспоминал, что в его маленьком заплочном мешке лежит "История древнего мира". На обложке учебника было написано: "Под редакцией проф. Мишулина". Мальчик пока не понимал, что такое "проф.", но твердо знал: как только рассветет, он обязательно должен прочитать один раздел этого учебника и, как сын солдата, получить "пять" и в тот же день написать отцу на адрес полевой почты.

Лошади, держась плотной группой, совсем исчезли в сером тумане, Хамитулла остался стоять один. Он помнил, о чем тетя Сюмбеля предупредила его на прощание.

— Ради бога, не пускай их в рожь, — сказала она. — Сейчас рожь начала стеблеваться, если лошади объедятся, то погибнут.

Нет, Хамитулла, конечно, не пустит их туда. Поэтому он сел на меже возле ржаного поля. От росистой травы пахло алтеем, осотом, подорожником; этот запах щекотал ноздри, от него почему-то клонило в сон и голову тянуло к коленям... Приложив некоторые усилия, Хамитулла встал. Придется провести ночь стоя. Тетя Сюмбеля сказала, что если лошадь или корова хотя бы пятнадцать минут поедят мокрую озимь, то спасти их будет уже нельзя. И потому Хамитулла встал прямо около межи.

Совсем рядом пофыркивали лошади, воздух вокруг был наполнен монотонным хрумканьем, и этот звук имел какое-то свое усыпляющее воздействие. Ритмичные звуки словно убаюкивали Хамитуллу, его колени то и дело подкашивались, и он с трудом удерживался на ногах. Перед глазами вдруг расплылась какая-то белая, словно молоко, масса... Ах, нет, это не молоко, а синевато-белое облако спустилось с неба и льнет к лицу и глазам мальчика, тянет вниз веки и подгибает колени. Между тем общее хрумканье становится ближе, в синевато-белом облаке начинает угадываться большая серая тень, и Хамитулла до рези в глазах вглядывается в нее.

Большая серая тень оказалась Армией... За нею показались еще две-три серые тени, затем их стало еще больше — это табун приближался к ржаному полю. Хамитулла щелкнул веревочным кнутом, и этот звук словно вырвал его из объятий сладкого сна. Однако лошади неудержимо двигались в сторону поля — от росистой озими тянуло чудесным и пьянящим запахом, от которого в горле саднило, — пахло солодом и хлебной коркой — значит, лошади шли на запах.

Хамитулла завернул одну лошадь, потом другую, но вскоре уже едва успевал перебежать от одной лошади к другой; на росистой меже его лапты разбухли, шерстяные носки насквозь промокли, разбухшие оборы лаптей начали больно сдавливать ноги. Серые тени продолжали скользить в эту сторону. Хамитулла горько пожалел, что не взял кожаный кнут, оставшийся от отца. Если бы сейчас у него был кожаный кнут, достаточно было бы щелкнуть им разок возле лошадиного уха...

А серые тени словно почувствовали бессилие мальчика: для лошадиной шкуры удар веревочным кнутом — все равно что мушиный укус. Хамитулле приходилось уже не только бегать и щелкать кнутом, но и покрикивать. В густом облаке тумана его голос звучал слабо, а потому серые тени, не обращая на него внимания, начали теснить и толкать его к меже...

Хамитулла с новой силой начал бегать вдоль межи, пощелкивая кнутом перед мордой то одной лошади, то другой. Несколько раз он упал, зацепившись лаптем за стебли полевого вьюнка, обильно покрывавшего межу. Отчаянный бег, крик и удары кнутом сделали свое дело: некоторые лошади наконец поняли, что с мальчиком придется считаться. Упрямыца Армия, настырно пробивавшаяся к меже, вдруг испугалась мальчика, бесстрашно щелкавшего кнутом прямо перед ее мордой, встала на дыбы и одним махом грузно перекинула свое длинное тело назад.

Эта победа окрылила Хамитуллу. Однако вскоре он обнаружил, что охрип от крика и пропотел так, что хоть одежду выжимай. Хотелось то ли пить, то ли есть — мальчик уже не был в состоянии это понять. А до рассвета было далеко, слишком далеко. Может, немного посидеть? Передохнуть? Пускай себе идут на это поле, минут пять попасутся во ржи! Может, наедятся? Но что сказала тетя Сюмбеля? И о чем обязательно будет доложено на пионерском сборе? В ушах будто зазвучал голос отца, воевавшего сейчас в далеких украинских степях: “Сынок Хамитулла! Держись! Судьба велит нам быть стойкими!” (В своем последнем письме отец написал именно так.)

Вдруг... Вдруг Армия оглушительно заржала. К ее голосу присоединилась вторая, третья, четвертая... Сердце у Хамитуллы разом упало: лес совсем рядом, неужели, как это рассказывалось в сказках, приползла огромная

змея и ужалила лошадь? Не успел мальчик додумать эту мысль до конца, как в общий кошмар вплелся тонкий жалобный голосок:

— Ми-хи-хи-хи-и-и-и!

Это кричал жеребенок желтой кобылы. Сколько ни старались они в коюшне отогнать жеребенка от матери, им так и не удалось это сделать. Между тем из серых теней вдруг образовалась большая волна: лошади разом резко перекинули тела назад и, ударяясь друг о друга боками, мордами, копытами, сгрудились в единое сплошное облако и замерли. Теперь слышны были только непрерывное фыркание и мощное дыхание, от которого содрогалась земля.

Внезапно все вокруг пронизал запах конского пота, и этот горячий сладковатый запах словно растворил густой туман. Установилась тревожная тишина. Но не надолго: лошади снова зафыркали, и вновь послышался жалобный плач жеребенка. Его голос почему-то доносился откуда-то издалека — словно из-под стога сена. Хамитулла понял — лошади спрятали малыша в самом центре круга.

В то же мгновение что-то случилось: маленькая лошадь, отделившись от табуна, тенью промелькнула мимо Хамитуллы; в тумане было видно, как необычайно высоко вскидывала она при беге заднюю часть тела. Но когда тень остановилась чуть в стороне и замерла, Хамитулла оцепенел от ужаса — глаза у странной тени горели, как огонь. Лошади снова шумно задвигались, ударяясь друг о друга боками, нервно перебирая ногами и дрожа. Хамитулла, не успев ни о чем подумать, бросился к ним и, расталкивая конские животы, протиснулся внутрь круга. Малыш-жеребенок оказался там. Из конских ноздрей валил пар, раздавалось оглушительное фыркание. А в центре, под двенадцатью фыркающими лошадиными головами, стояли месячный жеребенок и двенадцатилетний мальчик.

Хамитулла в детстве не раз слышал, что при нападении волка лошади берут жеребенка в кольцо. Так вот как это бывает! Что же теперь делать? Если бы у него были спички, то можно было бы попытаться разжечь огонь. Остаться в этом положении было очень опасно: если волк резким движением напугает лошадей и они разбегутся, то жеребенок может погибнуть. Тогда Хамитулла решил кричать: может, в деревне услышат, ведь расстояние небольшое, всего-то с километр.

— Во-ол-ки-и-и! — крикнул он и удивился. Голоса не было — точь-в-точь как во сне.

— Во-ол-ки-и-и! — прошептал он, уцепившись за гриву Армии. Несмотря на туман, Хамитулла отыскал ее сразу, потому что только она была взнуздана. Лошади снова затоптались на месте, Армия ткнулась губами в землю и глубоко выдохнула, в ту же секунду Хамитулла животом лег на ее густую гриву. Когда лошадь подняла свою мощную шею, мальчик взлетел вверх и тут же сел ей на спину.

Усевшись верхом, Хамитулла огляделся и даже застонал от огорчения: два огонька безостановочно кружили вокруг табуна, выжидая удобный момент, чтобы разогнать лошадей. Значит, его цель — жеребенок! Только теперь Хамитулла понял, какая злая участь ему выпала. Если он потеряет жеребенка, то вместе с ним он навсегда потеряет свое доброе имя и будет опозорен до конца жизни. Надо было спасать малыша!

Наподдав пятками по лошадиным ребрам, Хамитулла что было силы натянул поводья. Лошадь нехотя вышла из круга. Дрожа от страха и напряжения, Хамитулла подвел ее к табуну сзади и заставил грудью толкать других лошадей. Нужно было ухитриться, оставив жеребенка внутри, двигать это кольцо по направлению к деревне. Кажется, это было вполне возможно: непрерывно фыркая, лошади двинулись вперед, а два огонька вдруг исчезли.

Однако вскоре огоньки неожиданно появились прямо перед табуном, и лошади чуть не бросились врассыпную. Тогда Хамитулла заставил Армию выйти вперед табуна. Над лошадьми поднимался горячий пар. Армия, оказавшись впереди, сначала испугалась, шумно и протяжно выдохнула, затем подняла голову и нервно переступила передними копытами, словно ошупывая землю. Страшные огоньки несколько раз перебежали дорогу, но не приблизились.

Туман тем временем немного рассеялся, и Хамитулла заметил, что уши Армии стояли торчком, как острые ножи, и словно чуть покачивались в такт дрожанию лошади. В нос ударил ветер со стороны деревни — ноздри защекогал запах хлеба и домашнего хозяйства. Значит, уже близко. Но невидимый враг тоже это почувствовал, и его поведение изменилось.

Один раз он резко вынырнул прямо под носом у Армии; лошадь встала на дыбы, чуть не скинув с себя Хамитуллу, и отчаянно заржала, к ней присоединились другие лошади. Атака волка повторилась трижды, и с каждым разом Хамитулла все крепче припадал к лошадиной холке. Волк ждал момента, чтобы вцепиться лошади в горло! Еще полкилометра, еще хотя бы пять минут!

Но и волк торопился, а потому изменил тактику. Исчезнув на некоторое время, так что Хамитулла уже решил, что избавился от него, волк вдруг с огромной скоростью появился откуда-то сбоку и промчался прямо под горлом у Армии. Лошадь, страшно захрипев, сначала встала на дыбы, а потом жалобно застонала. Волку маневр явно понравился, и вскоре он его повторил. Во время третьей или четвертой атаки, не в силах более справляться с ужасом, лошадь с диким ржанием бросилась вперед и поскакала галопом. Следом понесся табун; Хамитулла слышал хрип и шумное дыхание скачущих сзади лошадей...

Наверно, деревня была уже близко: туман словно потеплел — он всегда бывает таким рядом с деревней. Армия шла ходко, но два огонька, подрезав сбоку, снова кинулись к ней. На этот раз лошадь испугалась настолько, что, встав на дыбы и содрогнувшись всем телом, сама бросилась на волка. В это мгновение большой серой стеной впереди показался силуэт деревни. Значит, лошади остались целы! Но во время последнего прыжка лошади Хамитулла сорвался с ее спины. Взъерившийся табун ураганом пронесся над мальчиком.

...Хамитулла открыл глаза. Открыл — и увидел солнце между круглыми листьями герани. Открыл — а рядом кто-то сидит с чашкой в руке. Он смежил веки. Открыл снова... Узнал: та, что держит чашку, — его мама. От этого стало хорошо. Но веки почему-то снова отяжелели. Когда сознание стало подчиняться ему, он подумал: вот открою глаза и все пойму. Открывал он их долго; на краю сакэ сидела Гульзада с заплаканными глазами. Обрадовавшись, Хамитулла облизнул губы и с трудом проговорил:

— Передай тете Сюмбеле: лошадей кормить до рассвета не получилось. — Снова проведя языком по сухим губам, добавил: — Как же я сегодня сдам экзамен? Я не успел дочитать... — И он обессиленно улыбнулся.

Гульзада, глядя на него сквозь слезы, улыбнулась в ответ. Затем, словно сообщая большую тайну, протянула какой-то сверток:

— Вот, велели передать от имени дружины. — Развернув бумагу, она достала оттуда яркий пионерский галстук из саржи. Такого галстука ни у кого в школе еще не было. Хамитулла свой галстук носил уже два года, он совсем износился, концы пообрывались, а цвет выгорел и превратился в желтый. От радости Хамитулла хотел было вскочить, но что-то будто острым ножом полоснуло его по поясище... Гульзада схватила его за руку:

— Что ты! Не двигайся! Экзамен уже позавчера все сдали! Тебя освободили. Твоему папе от имени дружины написали письмо! А тебе десять дней нельзя вставать с постели!

— Не-ет! Не-ет! — застонал Хамитулла. — Я сам хочу сдать экзамен! У меня есть учебник! Скажи учителю истории: меня попросила тетя Сюмбеля! А на озимую рожь я ни одну лошадь не пустил! Экзамен я сам сдам. Скажи тете Сюмбеле...

Он снова потерял сознание. Рядом с его подушкой лежала помятая “История древнего мира” в растерзанной обложке. Гульзада взяла в руки книгу, заправила выпавшие страницы. Открыла ту, что была заложена листом конского щавеля. Страница начиналась словами: “Путник! Возвести нашим гражданам в Спарте...”